

Дюдмида Горелик

Из записок о коте Пушане и Соне Сковородниковой

Людмила Горелик

**Из записок о коте Пушане
и Соне Сковородниковой**

«Автор»

2026

Горелик Л. Л.

Из записок о коте Пушане и Соне Сквородниковой /
Л. Л. Горелик — «Автор», 2026

Это записки о Соне Сквородниковой из города Б. Той, что когда-то вместе с майором Павловым шла по следам преступника (см. роман «Сокровище Кикиморы» Эксмо, 2020). События, легшие в основу настоящих «Записок», также происходили в городе Б – зеленом, с широкими улицами, с сохранившимися еще с позапрошлого века одноэтажными домиками, расположенном, как известно, на слиянии двух полноводных рек – Вороны и Хопра. Настоящие «записки» повествуют о событиях начала восьмидесятых годов двадцатого века – прошло почти десять лет после разоблачения «Кикиморы». Теперь Софья Сигизмундовна живет не в общежитии для сотрудников пединститута, а в новом большом доме на Бейкер-стрит (ой, извините – на улице Третьяковской), в однокомнатной квартире на первом этаже, вместе с котом Пушаней. Жизнь постоянно подбрасывает им загадки. Не бог весть какие трудные, но все же требующие некоторого напряжения ума и от Сони, и от Пушани. Повесть состоит из нескольких новелл.

© Горелик Л. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Встреча Пушани с Соней.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Из записок о коте Пушане и Соне Сковородниковой

Глава 1. Встреча Пушани с Соней.

Родился Пушаня в январе, а мать его была бездомная. Первое, что он помнит: холодно, холодно, очень холодно. Мать – небольшая белая с серыми пятнами кошечка – бездомной была не всегда. Во двор этого нового многоквартирного дом она попала полгода назад.

– На вот, бери, – когда заселяться будете, первым котенка впусти, – сказала хозяйка, отдирая от мамки Мурки одного из пятерых присосавшихся к ней котят.

Мышеловкая (за что и держали) Мурка родила по весне котят, да так спрятала их в сарае, что нашли уже когда котята выросли, топить поздно было. Теперь хозяйка рассовывала ненужный приплод кому ни попадя.

– На что он мне! – воскликнул молодой мужчина, придерживая заскорузлой рукой испуганного котенка – Впущу, а потом куда его? Квартиру новую мне загадит, обои обдерет!

– Бери! Хорошая примета – на новоселье кота пустить, чтоб уютно в квартире жилось. Выкинешь сразу после того, как пустишь – невелика обуза.

Так белая кошечка оказалась во дворе большого пятиэтажного дома. Питалась чем Бог пошлет, а в крещенскую неделю родила в подвале трех котят. Один сразу помер, второй на следующий день: уж больно холодно было и в подвале. Пушаня же цеплялся за жизнь изо всех сил. Кошка грела его своим худым животом, оставляя лишь ненадолго, чтобы поймать мышшь.

В тот день, как у Пушани открылись глазки, их выгнали из подвала. Тетка, зачем-то туда зашедшая, махнула на них ведром, кинула чем-то тяжелым, и кошка выскочила за дверь, держа Пушаню в зубах. Прижалась к стене в углу около подъезда, тряслась от холода: было под тридцать. К счастью, вскоре некто в шубе открыл с той стороны дверь подъезда, шагнул на крыльцо. Под шубой была тоже тетка, но эта не прогнала кошку с котенком, напротив, тяжело вздохнув, придерживала для нее дверь: мол, заходи, погрейся, кто ж в такой мороз с дитем на улице ошивается.

Кошка прижалась к батарее при входе на первый этаж, прижала к ней и Пушаню, который тотчас просочился в узкую щель между секциями. Внутри батареи было почти тепло, жаль, что мама не могла туда пролезть. Он даже задремал, прикорнув между теплыми чугунными брусьями. Кошка сидела рядом, вжавшись в батарею, когда какой-то мужик шуганул ее портфелем и погнал в открытую дверь.

– Пошла отсюда, брысь! Новый дом, подъезд чистый, щас гадить и тут начнут!

Кошка, испуганно шарахнувшись, выскочила на улицу. Мужик шагнул следом и хлопнул за собой дверь. Пушаня остался один.

Внутри батареи было не очень холодно, но без мамы страшно. И уже захотелось есть. Он вылез через узкую щель наружу и стал кричать. Никто не откликался.

Вдруг дверь опять хлопнула, застучали, стряхивая снег, сапоги по ступенькам. Та самая шуба, что несколько часов назад запустила их с мамой сюда, остановилась около него. Послышалось недовольное ворчание.

– Чего орешь? А кошка где? Сбежала? – тетка в шубе наклонилась над ним, взяла в руки, что-то сердито выговаривала, сетуя на холод и на нехороших соседей. – Маленький совсем! Не выживешь сам! Опять на мою голову?! Вот только тебя мне не хватало! Только тебя! А то мало мне горя...

От рук и особенно от шубы было тепло и приятно, Пушаня притих. Тетка открыла дверь квартиры на первом этаже и забросила Пушаню в прихожую.

– Ладно, погрейся, а то замерзнешь. И не вздумай здесь привыкать! Завтра же попробую тебя кому-нибудь пристроить.

Без шубы она стала некрасивая: шерсть у нее росла лишь на голове, а сама лысая. Да ладно, с лица не воду пить! Пушаня несмело прошел в комнату (оттуда веяло теплом) и увидел батарею. Он опять залез в щель между секциями и притих. Тепло! Только есть хотелось. Некрасивая тетка, опять недовольно причитая, поставила около батареи блюдо с молоком. Пахло вкусно – Пушаня вылез. Но что делать с блюдцем не знал, и тетка, поворчав, принесла из кухни чайную ложку, взяла Пушаню на руки и стала поить молоком. Оно было тепловатое, приятно вливалось в ротик, Пушаня быстро научился глотать его из ложечки. Это было не совсем такое молоко, к которому он привык у мамы, но изрядно проголодавшемуся котенку оно понравилось. «А может, эта некрасивая большая кошка на двух ногах моя мама?» – думал он.

Глава 2. Обыденная жизнь квартиры 81

Прошло полтора года.

Пушаня, или Пушок, как его называла Соня, – крупный, белый с серыми пятнами кот, в меру пушистый – сидел на крыше сарая. Надо отметить, что сарай этот располагался удобно – аккуратно напротив Пушкиной лоджии. Пушок с Соней жили на первом этаже, что тоже было очень удобно. Соня еще прошлым летом пригласила столяра Степаныча, чтобы он сделал Пушку лестницу. Лестница – простая длинная доска с набитыми рейками – была установлена столяром из окна лоджии. Окно выходило на задворки, и Пушку это нравилось. Не более чем в трех метрах от лоджии располагался чей-то забор, сразу за ним пресловутый сарай, а дальше росли деревья, за которыми практически не видно было частного одноэтажного дома хозяина сарая и сада. Дом выходил на другую улицу, его хозяев Пушок, часто расхаживавший по саду, иногда наблюдал во дворе их дома или даже в саду. Судя по всему, они были неплохие люди: собак не держали, Пушка не прогоняли. Даже иногда подкармливали чем-нибудь вкусным, очень одобряя его за мышеловкость. Он и впрямь (ради физкультуры и поддержания жизненного тонуса) иногда ловил у них во дворе мышей. Складировал их возле крыльца – пусть хозяйка питается, Сонька-то мышей не ест (поначалу он пробовал ей носить). И его Соня неплохо кормит, так что не нужны им мыши... В общем, Пушок с полным правом считал территорию сада и двора своей, хозяев – друзьями и подопечными. А сарай их, расположенный, напомним, прямо возле его собственной лоджии, Пушку жизнь очень украшал. Как и построенная для него Соней лестница. Благодаря лестнице, кот мог не заморачиваться с подъездом, дверь в который не всегда была открыта, и уходить и возвращаться когда ему угодно, хоть днем, хоть ночью – прямо в свое окно. Лоджию Соня застеклила (Степаныч еще осенью сделал), однако окно всегда было распахнуто в обе стороны, и на улицу и в квартиру – для Пушка, разумеется. Летом Пушок часто спал на старом кресле в лоджии: там было прохладнее и воздух свежее.

К Соне Пушок привык, как и она к нему, считал ее своей мамой и первое время очень ею гордился: мама у него большая, умная, он под ее защитой, как у Христа за пазухой. Свезло парню! Однако уже где-то к году понял, что не совсем так: не очень умная Соня, вот что. По утрам она куда-то уходила, говорила, что «в институт» – ну, это ладно, Пушок тоже гулял. Днем подолгу сидела за столом, печатала на маленькой печатной машинке или читала книги. Книг у них с Соней было много – целая стена, и Соня еще с собой приносила. Пушок пробовал читать, но ему не понравилось. Днем частенько приходили молодые люди, преимущественно девушки, «студенты», говорили с Соней (они ее звали «Софья Сигизмундовна») про какую-то непонятную чепуху, пили чай и восхищались Пушком. Кто-нибудь непременно норовил взять его на колени, но это он не позволял: что за панибратство! Погладить – еще туда-сюда, да и то изредка, пусть свое место знают. Голосовые же восторги и восхищения принимал как должное и охотно – Пушок любил быть в центре внимания.

Кроме студентов, часто приходила подруга Лера – к сожалению, полная их противоположность. Она Пушка брезгливо терпела, обходила стороной и если случалось дотронуться, тотчас бежала мыть руки. Цаца какая! Пушок и сам ее обходил – иногда даже на улицу шел по своей оконной лестнице, когда она придет, или в лоджии спал. Чаше, правда, сидел слушал – он был любознательный и Сониными разговорами интересовался. Тут разговоры, кстати, были более понятные, чем со студентами. Лера длинно рассказывала про каких-то своих знакомых, они все время менялись, потому что вначале нравились ей, а потом не нравились. «Конечно, тебе даже я не нравлюсь, – думал Пушок. – Где ж еще кому-то!» И демонстративно зевал.

Потом начинали говорить о Соне. Это Пушку было интереснее, и тоже почти все понимал.

– В аспирантуру поступать скоро поедешь? Семипядева в этом году должна вернуться. Не знаешь, когда у нее защита? – спрашивала Валерия. – Что Евгений Петрович говорит?

Соня почти равнодушно пожимала плечами.

– Говорит, что она стажировку полугодичную просит, чтобы дописать диссертацию. Не закончила еще. Скорее всего, дадут полгода для завершения.

– Как тебе не везет! – возмущалась Лера. Значит, твоя аспирантура опять откладывается? Вот отправили ее вместо тебя, а она даже в срок написать не смогла!

Соня делалась еще грустней, того и гляди, заплачет.

– Да мне теперь все равно! Зачем мне теперь эта аспирантура?! Я с Васей хотела! Отпустили бы нас вместе, кафедры-то разные, – он по русскому языку, я по литературе, ... А теперь он сюда не вернется, женился и там останется! всю жизнь мне эта дура Семипядева поломала! Ну почему от нашей кафедры ее послали, а не меня?

Лера значительно оживлялась при этих словах.

– Опять ты про своего Васю! Пора бы уже забыть. Свет на нем клином, что ли, сошелся? А Семипядева тут не при чем – не с ней же он загулял. Там, в аспирантуре, покрасивей Семипядевой девки ходят. Москва, опять же, – ты понимаешь, что ему москвичка нужна? А тут ты, с суконным рылом да в калашный ряд. Ой, извини, Соня, мою бестактность. Я обидеть тебя не хотела!

При этих словах Пушок чувствовал, что его любимая Сковородникова очень расстраивается.

Сейчас она печально кивала головой и объясняла.

– Да нет, он во Владимире работает. Он ведь из Владимира, и родители там. Одноклассницу какую-то в Москве встретил и жениться уже успел. Вместе в свой Владимир вернулись. Как-то он там устроился?..

Объясняя про Васю, Сковородникова совсем завяла. Пушок приблизился к ее стулу и сочувственно потерся о ее ноги. Странная эта Валерия, только расстраивает, уходила бы поскорей... Сам-то Пушок уже давно понял, что его мама-Соня не очень умная. Сколько живет Пушок в этой квартире, столько слышит ее грустные вздохи: «Вася! Ох, Вася!» Что за Вася? Чем он так хорош?

Глава 3. Вася приехал, или Случай с владимирской студенткой.

Этот июньский день начинался обычно. Утром Пушок после ночных приключений гулял по своему саду. То есть это был, конечно, соседский сад, мы его уже упоминали – тот самый, с приветливыми хозяевами и сараем возле задней оградки. Поскольку он подходил почти вплотную к Сониной лоджии, кот считал его своим, как и крышу сарая, на которой частенько собирались вообще все окрестные коты (Пушок считал их своими гостями, и крышей гордился)

Да, этот день начинался обыкновенно. Пушок аккуратно разложил в рядок пойманных ночью четырех мышей возле дружественного крыльца – хозяева скоро выйдут, восхитятся! Сейчас, судя по голосам, чай пьют на веранде, а мыши уж к обеду им будут. Он немного послушал, о чем говорят за стенкой веранды. Слух у кота был прекрасный и слова он различал. Раз-

говор показался интересным – похоже, что-то интересное у соседей произошло. Пушок и подольше послушал бы, но пора было идти домой – Соня, небось, заждалась.

Дома поел немного вчерашней рыбы и улегся отдыхать в лоджии. Ближе к середине дня в дверь позвонили, и Пушок услышал из прихожей непривычно сдавленный волнением Сонин возглас: «Ой, Вася! Ты вернулся?!» При этих словах кот тотчас запрыгнул в комнату через всегда открытое для его удобства окно и вышел в прихожую. Ничем не примечательный молодой мужчина снимал сандалии и надевал тапки для гостей. Вел он себя так уверенно, будто не раз бывал здесь раньше. А вот Соня суетилась.

– Садись, Вася! – указала она в сторону дивана. – Сейчас чай поставлю. А может, ты пообедать хочешь?

– А что у тебя есть? – спросил этот наглый Вася, устраиваясь на диване.

Соня в ответ забормотала смущенно.

– Понимаешь, ничего особенного у меня нет. Есть суп, но он невкусный.

– Ничего, давай суп: я еще не обедал сегодня.

Пока Соня разогревала суп, Вася попытался погладить кота, однако Пушок увернулся. Сел подале. Еще гладить тут будут всякие!

– У тебя кот? – крикнул, обращаясь к открытой двери в кухню, мужчина.

– Да, завела кота! – Соня уже вносила поднос с супом и хлебом. – Попробуй. Но он невкусный, коту не понравился!

Пушок действительно не стал есть суп, хотя Соня наливала ему утром в мисочку. Суп был с перцем. Пушок предпочел вчерашнюю рыбу доесть.

– Ну и дурак твой кот! – говорил между тем Вася, прихлебывая, – Вполне нормальный суп, вкусный. Кот твой ничего не понимает.

Пушок при этих словах собрался гордо уйти в лоджию, однако передумал: любопытство пересилило. Он свернулся в клубок на другом конце дивана, подальше от Васи, и сделал вид, якобы спит.

– Вася, а ты как появился в наших краях? – спрашивала Соня. – По делу? Наверно, документы какие-нибудь отсюда понадобились?

Вася тяжело вздохнул.

– Я студенток привез на Олимпиаду по русскому языку.

– Из Владимира? Ты ведь во Владимирском пединституте устроился?

– Да, устроился, все нормально. Вернее, было нормально, теперь не знаю что будет. Соня, у меня большая неприятность. Одна из моих студенток пропала.

– Как?!! – Соня плюхнулась на диван рядом с Пушком, едва не придавив его хвост. Кот встрепнулся, но остался лежать, только ушки еще больше насторожил. Кто такие студенты он знал. Они большие, кожаные, веселые. Как это студентка может пропасть?

Из Васиного рассказа выяснилось, что Владимирский институт направил в город Б. на олимпиаду пятерых студенток во главе с недавно защитившим кандидатскую диссертацию старшим преподавателем Василием Арнольдовичем Разумовским, то есть с Васей. Выехали заранее - олимпиада начнется только завтра, а приехала Владимирская группа в Б. еще вчера – Разумовский специально на день раньше своих привез, чтобы успеть Б-бских. друзей навестить. Студентки выехать пораньше охотно согласились: город посмотрят, отдохнут перед олимпиадой. В общежитии им выделили три комнаты: в одной две девочки, в другой три, и Васе комната. Разместив студенток, Вася сразу помчался к друзьям: давно не был в Б-бске, соскучился.

– Я сразу Петьке позвонил, потом Диме, ну и закрутилось. Тебе тоже хотел позвонить, но у тебя ведь так и нет телефона, ребята сказали?

Соня кивала – телефона, к сожалению, не было.

После встречи с друзьями Вася вернулся поздно. К своим студенткам пошел только утром. И застал их растерянными: Полина Рябова в общежитии не ночевала и утром не пришла.

– И до сих пор ее нет, не знаю что делать, – заключил Вася. – Придется, наверно, в милицию обращаться. Если б ты знала, как не хочется. Может, она во Владимир вернулась? Может, с почты родителям позвонила, а у них случилось что-то, и она срочно домой поехала? Я даже думал с ее родителями связаться, да напугать их боюсь.

Соня ответила не сразу. Домой – это было бы не так плохо. Но что домой – не факт.

– Не нужно пока пугать родителей, – сказала она. – Это уж когда в милицию решим обратиться, тогда и родителям позвоним.

Вася отметил про себя это «решим, позвоним». Все ж Сонька настоящий друг, не бросает в беде. Даже немножко легче на душе стало: он не один, ум хорошо, а два лучше.

Минуты две Соня сидела, задумавшись: лоб нахмурен, взгляд устремлен куда-то в окно. Тут автор должен пояснить читателю, что при некоторой наивности и даже, как думали многие, включая Пушки, глупости, Сковородникова, подобно мисс Марпл (историями об этой англичанке Соня увлекалась), была склонна к логическому анализу и уже имела небольшой опыт детективных расследований.

Поэтому теперь, подумав совсем немного, она выдала сразу три вопроса.

– А при каких обстоятельствах эта Полина пропала? Кто и когда видел ее в последний раз? С кем она жила в комнате?

Вася обилию вопросов удивился. Существенным ему показался только первый.

– Пропала она не из комнаты, – ответил он грустно. И рассказал, что Полина – одна из тех девочек, которые поселились вдвоем. Вторая, Даша, не была с ней, когда Полина пропала. Вчера вечером Рябова вышла на улицу прогуляться и не вернулась. Даша, ожидая ее, дверь комнаты на ночь не закрывала, а проснувшись утром, Полину по-прежнему не увидела. Расстроилась и к другим девчонкам побежала. Тут как раз и Василий Арнольдович пришел.

– А почему она одна вечером гулять пошла? – спросила Соня. – Обычно девочки вместе ходят, тем более, вечером. Ты не спросил поточнее, во сколько она ушла?

– Конечно, спросил! За кого ты меня принимаешь?! Часов в семь – еще светло было. Почему одна – не знаю, не спрашивал. Ну, захотелось ей так.

Вася уже начинал злиться. Искать надо, время идет, а Соня какой-то ерундой интересуется.

Соня, видя его настроение, вопросы задавать больше не решилась, но уговорила пойти в общежитие – вдруг Полина вернулась? А нет, так можно будет хоть поговорить со студентками, решила она про себя.

Пушок остался один, он по-прежнему делал вид, что спит, свернувшись в клубок в углу дивана. Однако через несколько минут после их ухода встал, не спеша потянулся, потом выскочил в лоджию, спустился по лестнице и перелез через забор в свой сад. Рассказ Васи его очень заинтересовал. Какая-то смутная догадка вертелась в его пушистой голове. Догадку следовало проверить

Студенток из Владимира Сковородникова и Разумовский нашли в общежитии быстро. Комната Дарьи и Полины оказалась заперта, сама Дарья сидела в комнате других трех девушек. Студентки были очень встревожены: Полина так и не приходила.

По Сониной просьбе они охотно вспомнили во всех подробностях день, проведенный в Б. вместе с Полиной. Утром, едва устроившись, все вместе пошли на рынок – купить ягод. Думали, что в Б. дешевле, чем в родном Владимире, но цена оказалась та же. Это не сильно огорчило – девушки продолжали веселиться, тем более, что продавцы на рынке, особенно представители южных народов, продающие ягоды и фрукты, девушками откровенно любовались. Было много улыбок и шуток.

– Полинке один то ли грузин, то ли таджик хотел клубнику просто так, без денег, подарить. «Не надо денег, я тебе дарю, красавица!» – говорит. – Вспомнила Даша. – Но Полинка все же заплатила, настояла на этом.

– Может, она меньше, не полностью заплатила?» – ухватила за эпизод Сковородникова. Дарья с сомневающимся видом качала головой, пожимала плечами.

– Вряд ли. Она знает, что на Кавказе, если мужчина сделал девушке подарок, то уже считает, что она его. Нас с ней на этот счет раньше предупреждали, мы в Абхазии отдыхали в прошлом году.

– А, так вы подружки! – обрадовалась Соня. – Не знаете – может, у нее какие-то личные проблемы были? Она могла поехать к какому-нибудь другу, например...

Но Даша отрицательно покачала головой.

– Не было у Полинки близкого друга. В прошлом году, когда в Абхазии отдыхали, она подружилась с парнем, но после возвращения все распалось. Он тоже отдыхающий был, из Ленинграда. На отдыхе, вроде, хорошо дружили, однако потом не написал, а она и адреса не знает. Так что уехать никуда не могла.

– Может, познакомилась с кем-нибудь? – вмешался Вася. – Ведь год уже прошел.

Даша опять замотала головой.

– Нет, что вы, Василий Арнольдович! Она все по Юре этому страдала, так и продолжала, хотя почти год прошел действительно. Я ей говорю «Дура ты, Полинка, это же курортное знакомство, он про тебя давно забыл». Она не верила, переживала: может, случилось с ним что? А как узнать – знакомых общих нет, адрес неизвестен. Ни с кем встречаться больше вообще не хотела. – Даша остановилась, подумала и опять покачала головой. – Не стала бы она ни с кем знакомиться.

– Жалко как, что не написал... – Соня так сильно посочувствовала Полине, что на какой-то момент забыла про расследование и была готова продолжать, в общем, скорее, уводящую от него тему ленинградского юноши. Однако, взглянув на Васю, спохватилась.

Разумовский уже поглядывал на часы – искать надо, время-то идет, что она все расспрашивает...

Тяжело вздохнув, Сковородникова все же спросила еще, почему Полина пошла гулять одна, если они близкие подружки.

Даша смутилась и призналась, что немного поссорились. Но это чепуха была, из-за телевизора. Даша хотела интересную передачу посмотреть, а Полинке мешал телевизор. Она и вышла прогуляться.

– Кто ж знал? – Даша почти плакала. – И чего я этот телевизор не выключила?! Может, нет уже Полинки?! – И она всхлинула.

– Ну-ну, не плачьте – найдем! – жестко сказала Софья Сигизмундовна, включая, как всегда при общении со студентами, уже наработанные за десять лет преподавания навыки: рационализм и, главное, уверенность поведения.

Тут еще одна девочка вспомнила, что когда возвращались с рынка, недалеко от общежития, проходили мимо строящегося дома. И один из рабочих стал с ними любезничать – мол, какие девушки красивые у нас в Б. А Полина ему ответила, что не только в Б. красивые, вот они, например, из Владимира. Он тогда ей еще комплимент сделал, что она красотка лучше всех.

– Мы вперед пошли, а они еще разговаривали. Может, он ей свидание назначил? – заключила девушка.

– Вряд ли Полина к незнакомому человеку на свидание вечером пойдет! – откликнулась Даша. И добавила совсем строго. – Это вряд ли!

Выйдя из общежития, Разумовский и Сковородникова, не сговариваясь, пошли в сторону Сониного дома. Разговор они вели очень серьезный и о направлении пути вовсе не думали. Вася Соню просто провожал, обсудить им было что, а на ходу и думалось легче. Что же делать?

Решили в милицию пока не обращаться: там все равно только через трое суток начинают искать пропавших.

– Через знакомых надо действовать, – сказала Соня. Она уже десять лет жила в Б. и многих знала. Знала также, что в сравнительно небольшом городе, каковым является Б., роль личных связей очень велика.

– Помнишь Павлова? – спросила она.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.